

ГЛАВА 1

Энни наконец перестала бежать. Ее сердце учащенно билось в груди, и она с трудом сдерживала дыхание. Девушка подошла к песчаной прибрежной полосе, туда, куда летом тетушка Дот частенько приводила их, еще совсем маленьких, и куда они с Сильвией приходили теплыми вечерами поболтать. Стояла промозглая мартовская погода, было пол-одиннадцатого ночи, и Энни увидела заброшенное темное уединенное место, которое представляла собой замусоренный пляж.

Что же она наделала? Что заставило ее сказать эти ужасные слова? Энни медленно брела к воде. Песок был то сухим, то мокрым, и каблуки школьных туфель утопали в нем, продавливая кашеобразную поверхность. Неужели то, чему она только что стала свидетелем, произошло на самом деле? Наверняка она все придумала и вот-вот проснется и обнаружит, что это был всего лишь ночной кошмар.

— Пожалуйста, Господи, сделай так, чтобы это было неправдой! — взмолилась Энни надтреснутым высоким голосом.

Прямо перед ней, поблескивая и расходясь небольшими волнами, простиралась черная маслянистая гладь реки Мерси, в которой отражались огни Уолласи, Нью-Брайтона и долька оранжевой луны, показавшейся из-за облака.

Энни пристально смотрела на воду, которая весело плескалась у ее ног, на черные водоросли, прилипающие к туфлям, чтобы через какое-то время снова устремиться назад с шипящей грязной пеной. Волны накатывали одна на другую, жадно забирая с берега то, что принадлежало лишь им одним. Энни исполнилось пятнадцать лет, и она была уже почти взрослой девушкой, но, однако, она чувствовала, что с этой ночи ее жизнь практически закончена. Она опустила на песок и стала молиться, однако вскоре молитва

уступила место воспоминаниям о матери, об отце, о сестре Мари, о Сильвии и, конечно же, о тетушке Дот...

Энни пыталась воскресить в памяти первое яркое впечатление, но в голову не приходило ничего конкретного. Ее детские годы, проведенные с семейством Галлахеров, были наполнены счастьем, вопреки тому, что шла война. Энни вспомнила, как в тот день, когда Дот разбила чашку о стену, вдруг все изменилось. Чашка, по сути, и явилась катализатором. После этого происшествия все уже было не так, как прежде.

Тетушка Дот по-прежнему жила в Бутле в том же доме — маленьком строении с террасой, на вид ничем не отличавшемся от дома на Орландо-стрит, в котором семья Харрисонов проживала вот уже более десяти лет, только внутри все было по-другому. У Галлахеров было множество декоративных украшений и картин, пахло выпечкой, отчего дом казался теплым и уютным, а в камине тлели угольки. В 1945 году Дот повесила большущий портрет мистера Эттли, нового премьер-министра, прямо над каминной полкой и никогда не гасила маленькую свечку, стоящую рядом, словно на полотне был изображен лик святого.

Когда Энни с семьей жила там, дом был так заставлен мебелью, что передвигаться по нему можно было с большим трудом. Это объяснялось тем, что вещи из гостиной были вынесены в другие комнаты, дабы освободить место для кровати, на которой спали ее мать и отец. Энни же с сестрой спали наверху вместе с тетушкой Дот. А потом, когда война закончилась и дядюшка Берт вернулся домой, он по какой-то причине, которую Энни совершенно не понимала, захотел вдруг спать со своей женой. Девочка не скрывала негодования, когда в магазине подержанных вещей для нее и ее сестры приобрели еще одну кровать и поставили ее в кладовой. А это означало, что канаве из гостиной должно было совершенно необоснованно разместиться вдоль той же стены, и им приходилось теперь перелезть через кресло, чтобы забраться, а потом и выбраться из кровати, которая в любом случае была слишком миниатюрной даже для двух маленьких девчушек.

И все же Энни любила этот тесный, переполненный народом дом, хотя ее ужасно раздражало то, что приходилось выстаивать в очереди, чтобы попасть в уборную, расположенную в конце

двора, или же есть за одним столом с тремя растущими и вечно голодными мальчишками. Парни были старше Энни, они родились еще до войны, и она считала, что Дот поступила разумно, не решившись завести еще детей в отсутствие Берта, поскольку и эти трое были настоящей проблемой. Правда, Мари была не намного лучше. Несмотря на то что ей исполнилось всего три года, она была такой же озорной, «как целая стая обезьян», как говорила о ней Дот.

— Даже не знаю, что бы я делала без тебя, Энни, — частенько повторяла тетушка. — Возможно, ты единственный человек, который знает, как нужно себя вести. Кто бы мог подумать, что тебе только четыре года.

Энни помогала застилать кровати и вытирать тарелки. А ее любимым занятием было смахивать пыль с декоративных украшений, стоящих в серванте: всевозможных сувениров, привезенных из Блэкпула, Рила и Моркамбе, тех самых мест, куда Дот с Бертом ездили в начале своих отношений.

— Бедная кроха, — иногда говорила Дот, ероша копну медно-красных вьющихся волос, украшавших головку Энни. — Что же с тобой будет, а?

Энни не понимала, что имеет в виду ее тетя. Она совершенно не чувствовала себя несчастной, напротив, ей было очень уютно в этом несколько неорганизованном доме, в котором, насколько она знала, семья Харрисонов должна была остаться навсегда. В сентябре девочка должна была приступить к занятиям в школе, в той самой, куда ходили мальчишки, и жизнь стала бы еще лучше. Энни всем сердцем любила тетушку Дот и дядюшку Берта, великодушно простив его за то, что он когда-то выжил ее из кровати. Этот высокий мужчина с рыжеватыми волосами, венчающими, словно ореол, его голову, красными щеками и кустистыми усами чем-то напоминал ей плюшевого мишку. В день зарплаты он обязательно покупал детям небольшие подарки: конфеты, книжки-раскраски или же мелки. Берт был машинистом, работал посменно, и ребятишки должны были вести себя тихо, когда он, возвращаясь с ночного дежурства, ложился спать.

Но постепенно тетушка Дот, которая часто смеялась и всегда пребывала в хорошем настроении, стала вдруг очень раздражительной. Возможно, причина была в том, что она начала полнеть,

думала Энни, замечая, как тетушкин живот становится все больше и больше. Дот кричала на мальчишек и приказывала Энни и Мари убираться к чертовой матери с дороги. Если же кто-нибудь, кому доставалось от нее, в конце концов сильно огорчался, тетушка тотчас же демонстрировала раскаяние, пытаясь загладить свою вину. Однажды, увидев, как плачет Мари, тетушка тоже разрыдалась.

— Мне так жаль, милая, — сказала она, всхлипывая и заключая Мари в объятия. — Это... о, черт, даже не знаю, по-моему, я просто не в силах с этим совладать.

В тот день, когда Дот швырнула чашку, на улице стояла ветреная, дождливая погода. Энни и Мари, одетые в лучшие платья, уже побывали на мессе, состоявшейся в девять часов. На вешалке в холле висело много мокрой одежды, а внизу аккуратно в ряд стояли сапоги. После окончания мессы дядюшка Берт отправился спать, строго-настрого наказав сыновьям не шуметь. Дот завязала шарф в виде тюрбана, надела украшенный цветочным узором передник и обвязала его вокруг своей несуществующей талии, отчего ее живот стал казаться еще больше. Тетушка принялась гладить на столе в дальней комнате. Когда каждая вещь была отутюжена, она сложила все в стопку, пока не образовались две аккуратные кучки — из предметов одежды и постельного белья.

— Пока Берт не встанет, я не смогу попасть в гостиную и отнести все это на место, — пробормотала она себе под нос.

Мальчишки, вынужденные из-за дождя сидеть дома, побежали на верхний этаж. Спустя какое-то время они начали драться, и вскоре послышалось несколько приглушенных стонов. Дот вышла в холл и недовольно шикнула:

— Томми, Майк, Алан! Перестаньте, вы разбудите отца.

Она улыбнулась девочкам, которые, прижавшись друг к другу, сидели в кресле в гостиной.

— О, ну разве вы не загляденье? Никакие принцессы вам и в подметки не годятся. Что это вы там рисуете? А ну-ка, будьте умницами, сделайте тетушке Дот красивую картинку на кухню.

Дот отправилась готовить ужин. Она ловко начистила целую гору картофеля и нашинковала капусту. На плите уже стояла кастрюля с кипящей водой, а из-под крышки выглядывал край мус-

линовой материи. Энни облизала губы. Пудинг на сале! Она надеялась, что будет и ее любимый сироп.

Дот разогрела духовку и поставила туда огромное железное блюдо со стейком и почками. К удивлению Энни, в течение нескольких секунд тетушка стояла не разгибаясь, недовольно сморщив лицо. Она, тяжело дыша, ухватилась за подставку для сушки, затем зажгла еще одну конфорку на плите и налила в кастрюлю почти пинту молока. Потом вытащила из серванта большую банку заварного крема, смешала остаток молока с двумя столовыми ложками порошка, вылила смесь в кастрюлю и начала ее размешивать. Лицо тетушки нахмурилось, приняв сердитое выражение. Приготовление заварного крема было достаточно рискованным делом: если вовремя не убрать кастрюлю с огня, он просто-напросто сгорит.

Энни испытывала чувство абсолютного счастья, сидя в теплом удобном кресле прижавшись к сестре. Она наблюдала за тетушкой, прислушиваясь к тому, как ложка при помешивании скребет о стенки кастрюли, как на сильном огне шипит вода. Энни знала, что приблизительно через час Дот попросит ее накрыть на стол, после чего девять тарелок займут свои места и еда будет подана. Дот станет раскладывать по тарелкам кусочки картофеля и по ложке стейка и почек, приговаривая при этом: «Чтобы всем было поровну». Посреди этой церемонии Дот произнесет: «Скажи отцу, что ужин готов, милая», и когда Энни постучит в дверь гостиной, на пороге появится ее отец и заберет две порции, одна из которых будет совсем небольшой — для мамы. А ужин для дядюшки Берта оставят на потом.

Мальчики вдруг начали кричать, после чего раздался грохот, словно они что-то опрокинули. Дядюшка Берт громко забарабанил по полу и завопил: «Сейчас же прекратите шуметь!», и именно в эту минуту послышался резкий стук в дверь.

Дот нахмурилась.

— Посмотри-ка, Энни, кто пришел.

Энни поспешила к двери. За порогом стоял отец Мэлони. Он слегка кивнул Энни и, не дожидаясь приглашения, стремительно прошел мимо нее, направившись прямо в комнату, туда, где лежали выглаженные вещи, а в воздухе витал аромат готовящегося ужина, в котором преобладал запах вареной капусты.